

Ирина Владимировна Щеглова

На зависть королеве

текст предоставлен издательством ЭКСМО
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=163376
На зависть королеве: Эксмо; М.; 2007
ISBN 978-5-699-23871-2

Аннотация

Сколько надежд возлагала Диана на новогоднюю вечеринку – ведь там обязательно будет Тима! Как благодарила Марину за приглашение! Это она устроила так, чтобы ребята позвали их в свою компанию... И вот теперь Диана бежала прочь с праздника, где каждый смотрел на нее сочувственно или насмешливо. Откуда только все узнали, что она влюблена в Тимофея? Разболтать о ее чувствах могла только Маринка. Но зачем она так поступила с лучшей подругой?!

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	10
Глава 3	16
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Ирина Щеглова

На зависть королеве

Глава 1

Тайны Французского двора

Меня зовут Диана. Так уж вышло. Маме всегда нравилось это имя, и она решила: если у нее будет дочь, то только Диана – и все!

Я не имею ничего против. Но обычно представляюсь просто: Дина. Друзья зовут меня Динкой.

Когда я была маленькой, домашние в шутку называли меня леди Ди, а я еще плохо говорила и потому произносила это так: Ди-ди. Бабушка называет меня Даночкой; мама и папа – Дианой.

Диной меня назвала Марина.

Марина была моей лучшей подругой с тех пор, как я перевелась в новую школу, то есть с шестого класса.

Когда я впервые пришла в свой класс, учительница, видимо, не знала, как меня зовут. Но вошла Маринка, подала ей журнал и что-то шепнула на ухо. Классная кивнула и представила меня: «Познакомьтесь, ребята. Это – Дина». Я поправила ее: «Диана». Классная смутилась, посмотрела в журнал, потом на меня:

– Ах, да, извини, пожалуйста, Диана.

С тех пор и пошла эта путаница.

«Дина короче и проще, – уверяла меня Маринка, – а Диана это уж как-то слишком!»

Мама сказала, что Дина и Диана совершенно разные имена и что такое сокращение не совсем верно. Но я привыкла.

В новом классе я оказалась чуть ли не самой высокой. Маринка же была пухленькая белокурая девочка, пониже меня, с короткой стрижкой, спокойная и умненькая. Целых три года мы были просто идеальными подругами! Повсюду вместе: в школе – за одной партой, в выходные – на даче. Мы расставались только во время летних каникул.

А потом что-то произошло. Я не сразу обратила внимание.

Хотя у Маринки и раньше была такая манера: задирать нос. Наверное, из-за этого ее считали гордячкой. Со мной она была другой, мы всегда были на равных.

Но потом я с удивлением стала замечать: стоило мне высказать свое мнение, сказать что-то важное, и Маринка смотрела на меня надменно и вздергивала подбородок. Интересно, когда же я впервые это заметила? Недавно...

Да, точно, в прошлом году она так не выставлялась!

В девятом классе Маринка сильно вытянулась, похудела и возомнила себя необыкновенной красавицей.

Она так и говорила, вертась перед зеркалом:

– Гляди, у меня все идеально, – она вытягивала шею, изгибалась и посматривала на мое отражение, маячившее за ее спиной. – Подойди, – она хватала меня, ставила рядом с собой и улыбалась покровительственно, – вот, видишь. Все познается в сравнении.

А я, как назло, поправилась и рядом с ней казалась себе смешной кубышкой.

– Да, – вздыхала я, – действительно, ты – очень хорошенькая.

Она стала носить умопомрачительно короткие юбки, а я от них отказалась. Она отпустила волосы, и они легкими белыми локонами лежали у нее на плечах. Мои же, густые и тяжелые, приходилось собирать каждый день в тугую косу, да еще и закалывать, чтоб непослушные пряди не лезли в глаза.

Но мы дружили по-прежнему. И с чего бы нам ссориться? Ведь никто не виноват в том, что Маринка стала выше меня на голову.

Ну, задается она немного, и что? Зато она очень добрая и абсолютно бесстрашная. Никогда не боялась мальчишек. Если на улице видела, как большие обижают тех, кто помладше или слабее, она вступалась не раздумывая. Прогоняла обидчиков, а для пострадавшего у нее всегда находился чистый платок и доброе слово.

Однажды она пришла к нам с маленьким ежиком, которого отобрала у мальчишек. Несчастный был так измучен, что нам показалось, будто он плачет. Мы как раз собирались на дачу. Выпустили страдальца по дороге в лес. А он забился под машину и никак не хотел вылезать. Маринка и тут не растерялась, она просто легла на живот и заползла под днище, вытащила ёжика и отнесла его подальше от дороги.

Потом мама, которая вечно выхаживает брошенных котят и другую живность, часто вспоминала этот Маринкин поступок, даже ставила Маринку в пример.

Короче говоря, моим родителям Маринка нравилась. Наша дружба всячески поощрялась, хотя с семьей Маринки мои родители так и не сошлись. Не знаю почему. Может, интересы не совпадали...

Как любит говорить моя мама: «У всех свои странности...» У Маринки, например, был такой пунктик: как-то она заявила, что в ее жилах течет княжеская кровь.

– Ты разве не знаешь? – удивилась она. – Наш род идет от бояр Шуйских!

– По какой линии? – довольно глупо спросила я.

– По линии отца конечно! – и она гордо вздернула подбородок.

Вообще-то, Маринкина фамилия – Шуйцева.

Но у нее было довольно оригинальное доказательство принадлежности к древнему роду. Маринка притащила книжку «Петр I» Алексея Толстого, открыла заложенную закладкой страницу, торжественно прочитала небольшой абзац, где говорилось об этом самом боярине. А потом объяснила, как фамилия «Шуйский» превратилась в «Шуйцева». После революции, мол, всех аристократов уничтожали, вот ее предки и подстраховались, изменив несколько букв в родовом имени.

История Маринкиной семьи произвела на меня сильное впечатление. Я даже с мамой поделилась. Вот, дескать, какие у Маринки предки!

Правда, мама была не столь уверена в знатности Маринкиного рода.

– Откуда такие сведения? – удивилась мама. – Маринин отец вырос в детском доме, он вряд ли что-то знает о своих родителях. А вот бабушка, мамина мама, действительно из старой московской интеллигенции. Там есть чем гордиться.

– Но фамилия! – напомнила я.

– В каждой семье есть свои легенды, – сказала мама, – твой прадед, например, утверждал, что он выходец из старинного аристократического рода, причем, немецкого.

– Ух, ты! Это правда?

Мама засмеялась:

– Не знаю. Но, насколько мне известно, отец твоего прадеда был портным. Его расстреляли за участие в мятеже против советской власти.

– Вот, видишь! Может, он и правда был аристократом до революции, а потом стал портным!

– В те времена не разбирали, кто князь, кто крестьянин. Твоего прадеда тоже едва не расстреляли, хотя ему было всего пятнадцать лет. Это сегодня все кинулись искать в себе дворянскую кровь. Модно! А тогда дети отказывались от родителей, если тех объявляли врагами народа.

– Ну вот, все сходится. Всякие князья и дворяне, чтоб скрыть свое происхождение, меняли фамилии. Шуйские стали Шуйцевыми.

– Если Маринке нравится быть княжной, пусть будет, – улыбнулась мама. – Можешь ей сказать, что ты тоже голубых кровей.

«Так-то оно так», – думала я, но яркость Маринкиной легенды померкла, уж слишком много «но». Так любого можно в князя записать. Мало ли у кого какая фамилия...

Но я все-таки, рассказала Маринке свою родословную.

– Пф! – она фыркнула, но потом приобняла меня за плечи и покровительственно улыбнулась: – Портной... я так и думала, что-то в этом роде... Знаешь, не переживай, это ведь совершенно не важно. Царь Петр дружил с Меншиковым, а тот был, как известно, из простых... и, кстати, немцев Петр уважал!

Я похлопала глазами и смирилась. В конце концов, если Маринке нравится быть княжной, пусть будет.

Когда в Маринку влюбился Антон, я не удивилась.

Бегал он за ней отчаянно, но она почему-то сторонилась его.

Дело было так: наши мальчишки начитались «Трех мушкетеров». Сначала два закадычных дружка Антон и Денис открыли для себя Дюма. Видимо, книга произвела на них неизгладимое впечатление, и они стали воображать себя Атосом и д'Артаньяном. Им, естественно, стало недоставать Арамиса и Портоса, тогда они привлекли к себе еще двоих: Пашу и Владьку. Пашке, собственно, было наплевать, а Владька пытался соответствовать. Не очень убедительно. В отличие от красавца Арамиса, Владька был маленького роста, белобрысый и смешной.

В то время как все нормальные люди охотились за Гарри Поттером, у нас мгновенно возникла и быстро распространилась другая эпидемия: класс лихорадочно читал «Трех мушкетеров» и все старались догадаться, как же будут распределены следующие роли.

Это все произошло в самом начале осени. Я, конечно, тоже прочла захвативший всех роман.

В один из выходных дней мне позвонила Маринка и весьма торжественно сообщила:

– Антон звонил, сказал, что я – Констанция.

Я обрадовалась:

– Он влюбился?! Теперь-то уж точно!

– Мне все равно, влюбился он или нет, – довольно холодно заявила Марина, – но он сказал, что роль Миледи больше всего подходит тебе!

Вот это да! Честно говоря, Миледи, на мой взгляд, наиболее интересный персонаж в этой книге. Так что мне даже польстило заявление Антона. Как оказалось, я рано радовалась. На самом деле Антон так же страстно ненавидел Миледи, как и его любимый герой д'Артаньян. Чем же это я ему так насолила?

Встретившись, мы с Маринкой подробно обсудили новое увлечение наших ребят. Я еще пошутила:

– Не бойся, Маринка, я тебя не отравлю!

И мне было приятно внимание к моей подруге самого интересного парня в нашем классе. Только я не понимала, почему Маринка отвергает его.

– Он не похож на принца, – объяснила Маринка.

Помню, я всплеснула руками и засмеялась:

– Не похож? Да ведь это же так романтично! Он называет себя мушкетером, а тебе отводит роль прекрасной Констанции!

– Угу, – засопела Маринка, – мелкопоместный дворянчик и жена галантерейщика! Хороша парочка, нечего сказать! Нет, я предпочла бы роль Анны Австрийской! – мечтательно добавила она, – королева Франции и герцог Бэкингем!

– Его же убили! – напомнила я.

– Не важно, – отмахнулась Маринка, – зато королева была красивейшей женщиной своего времени, а герцог – самым известным кавалером в Европе.

Я подумала и согласилась. Конечно, приятнее быть королевой, а не безвестной кастеляншей, да к тому же, еще и отравленной. Бр-р-р! Явно Тоха перегнул палку со своими ассоциациями.

И, все-таки, мне было лестно ощущать на себе ответ Маринкиной славы.

Это было здорово, проходить с ней рядом по коридору мимо влюбленного Тохи и гордо задиравать голову. Вот, мол, какие мы неприступные!

Хотя иногда я немного жалела его, мы раньше неплохо относились друг к другу.

А потом случилась неприятная история. У Антона, или Тохи, как мы его называли, был день рождения; он пригласил тогда и меня, и Маринку, но она не пришла. Позвонила накануне и отказалась. Без объяснений.

Нас собралось довольно много, по крайней мере все, кого Тоха считал своими друзьями, я еще порадовалась, что тоже вхожу в их число... а вот Маринки не было. Помню, Тоха очень обиделся. Я тоже чувствовала себя не в своей тарелке. Да еще полезла к нему с вопросами: «Почему ты сказал, что роль Миледи подходит мне больше всего?»

Антон ответил уклончиво: мол, он совсем не то имел в виду, и вообще, с чего я взяла... Так и не добила от него ничего вразумительного.

Но самое неприятное случилось на следующий день. Прошел слухок, будто это я отговорила Маринку идти на день рождения. Для меня эти слухи были такой же новостью, как и для всего класса. Надо было разобраться.

Маринка только плечами пожимала и советовала не обращать внимания. Но в классе росло напряжение. А тут еще и Антон перестал со мной здороваться.

Я не рискнула снова обратиться к нему, предпочла Дениса – Дэна. Улучив момент, когда ни Маринки, ни Тохи в школе не было, пересела к нему.

Надо сказать, Дэну я всегда симпатизировала. Я думала, что тоже ему симпатична. По крайней мере так утверждала Маринка. Сама я ничего такого не замечала, но привыкла верить подруге. Не станет же она просто так утверждать, что Дэн ко мне неровно дышит. Поэтому, когда я поставила свой рюкзак на стул рядом с ним, то ожидала, что Дэн обрадуется или сделает вид, что ему, вроде как, все равно. Но он вздрогнул и уставился на меня, словно я – не я, а какой-то монстр из ужастика.

Я удивилась, но отступать было поздно.

– Можно? – спросила с самой милой улыбкой. – Одной скучно, Маринка приболела, – начала оправдываться я.

Дэн пожал плечами:

– Садись, – нехотя ответил он.

Я тут же уселась рядом. Его стол стоит у стены, второй от начала. Кажется, это был урок истории. С оценками у нас все было нормально. В общем, вполне можно было потихоньку поговорить.

Прозвенел звонок. Вошла учительница. Урок начался.

Дэн максимально отодвинул свой стул от моего и упрямо смотрел на классную доску. Времени оставалось все меньше.

– Тоха за что-то взъелся на меня, – шепнула я.

Дэн чуть скосил на меня глаза.

– А ты не знаешь? – ехидно спросил он.

– Честно говоря, нет.

Он чуть заметно усмехнулся.

– Дэн, я, правда, не понимаю!

– При чем здесь я? Спроси у Тохи, – он был неумолим.

– Послушай, я подумала... – тут я смешалась, подбирая слова, но учительница сделала нам замечание, пришлось замолчать, а потом ляпнула, уже не думая: – Я знаю, что нравлюсь тебе, и ты мне тоже, поэтому...

– Кто тебе сказал?! – Дэн забыл, где находится, и произнес это почти в полный голос. Учительница пообещала выпроводить нас в коридор, если мы не успокоимся.

Мы притихли. Но, по-видимому, я все-таки задела Дэна за живое, потому что, спустя несколько минут, он написал мне на клочке бумаги: «Кто тебе сказал?»

Я ответила: «Маринка».

«Нет», – размашисто черкнул он.

Я прочла и захлопала глазами.

«Ты мне не нравишься», – появилось рядом с прежней записью.

И только тогда до меня дошло! Вот это да! Я, уверенная в том, что Дэн ко мне неровно дышит, усаживаюсь к нему за стол, кокетничаю и всячески стараюсь расположить его к себе. А он, оказывается, терпеть меня не может!

Видимо, все мои мысли отчетливо отразились на лице, потому что Дэн вдруг сжалился: «Я думал, ты распустила слух, что я влюблен в тебя», – появилось на бумажке.

Я отчаянно замотала головой и уставилась на него умоляюще.

Так мы тарасились друг на друга несколько секунд. Потом он быстро написал: «Я лично ничего не имею против тебя, но никаких чувств к тебе никогда не испытывал». Он подумал и добавил: «Извини».

Я кивнула и тут же набросала, что никаких претензий не имею, что сама была введена в заблуждение, так что прошу прощения и все такое... Он опять посмотрел на меня, размышляя: сказать мне или нет. Все-таки решился: «Тохе сообщили, будто ты уговорила Маринку не ходить к нему на день рождения, потому что сама не собиралась, а она без тебя не хотела».

«Это неправда», – ответила я.

Он прочитал и недоверчиво качнул головой.

«Ты отговаривала Маринку встречаться с Тохой?» – появилось на бумаге. Дэн снова внимательно посмотрел на меня. Мне нечего было стесняться, поэтому я посмотрела ему прямо в глаза.

«Никогда, ничего подобного не было!» – размашисто черкнула я.

Кажется, Дэн немного удивился или растерялся, не знаю, во всяком случае, больше он ничего не писал.

Урок закончился. Не говоря ни слова, Дэн подхватил свою сумку и выбрался из-за стола. Я не стала его преследовать, слишком много любопытных глаз.

В тот день, после уроков ко мне подошли девчонки и стали расспрашивать о Маринке. Меня немного удивило такое внимание с их стороны. Но я отвечала, как ни в чем не бывало: мол, приболела и все такое.

Отвечала невпопад, мысли были заняты перепиской с Дэном. Я ничего не понимала. Девчонки скоро отстали.

Я вышла из школы и, погруженная в размышления, направилась в сторону дома.

Глава 2

Илона

Меня нагнала Илона.

– Ты домой? – спросила она.

Я удивленно уставилась на нее, не понимая, чего она хочет.

– Да, – ответила машинально.

– Немного провожу, если ты не против, конечно.

Я пожала плечами.

Заметив мое недоумение, Илона рассмеялась:

– Нам по пути, – объяснила она. – Мой дом во-о-он там, – она махнула рукой в сторону пятиэтажек за школой.

– Надо же, сколько раз проходила мимо и не знала, что ты там живешь, – ответила я, проследив взглядом за ее рукой.

– Не удивительно, – сказала она, – никто не знает.

– А почему? – спросила я.

– Так вышло, – улыбнулась она.

А ведь правда, она была незаметной. Причем, незаметной настолько, что я лишь сейчас рассмотрела ее. Невысокая, худенькая, волосы пышные, золотистые, глаза широко расставленные с поднятыми вверх уголками. Присмотрелась, но так ничего и не вспомнила о ней; разве что ее упорное нежелание посещать уроки физкультуры, над чем смеялся весь класс.

Мы как-то вместе сбежали с последних двух уроков, но домой не пошли, а отсиживались в раздевалке. Илона тогда рассмешила меня рассказом, как она получает оценки, не посещая уроков. Посмеиваясь, Илона рассказывала, какой долгой и изнурительной была борьба. Физкультурник настаивал, она отказывалась, доставала липовые справки, забывала форму, а то и просто убегала. Тогда он вынудил ее оставаться с ним на индивидуальные занятия. Она подчинилась. Физкультурник решил, что сможет научить неспортивную девчонку хотя бы самым элементарным упражнениям. Он учил ее бегать, показывал, бежал рядом, объяснял; но Илона, по-прежнему, растопыривала руки, запрокидывала голову и бежала со скоростью быстро идущего человека. Физкультурник накалялся, но терпел, тащил подопечную в спортзал, осваивать снаряды. Пару раз ему пришлось снимать Илону с каната. На коня она запрыгивала с ногами и оставалась сидеть на нем, с недоумением глядя вниз: мол, как же это она тут очутилась... Если к ней летел мяч, Илона просто уклонялась или нелепо закрывала руками лицо. Кувыряясь, она чуть не свернула себе шею. Физкультурник сдался и отступил. И пообещал ставить ей тройки при условии, что Илона не будет попадаться ему на глаза. Класс жестоко высмеивал ее, но Илона словно не замечала издевательств, существовала как-то сама по себе. От нее скоро отстали, забыли, как это часто бывает.

– Слушай, – спросила я, – а почему ты так не любишь физкультуру?

– Чушь какая! Ничего глупее даже представить не могу, – совершенно искренне призналась Илона.

– Ну, гармоничное развитие тела и все такое...

– Что лучше моему телу, кроме меня, не знает никто, – отрезала она.

Честно говоря, я с ней была согласна. Всякие там уроки домоводства и физкультуры тоже вызывали у меня некоторое раздражение. Даром потраченное время, вот и все. Но мне и в голову бы не пришло спорить с преподавателями или доказывать нужность или ненужность какого-нибудь предмета. Так принято, вот и все...

Через две минуты мы уже болтали как давние подружки. Я не заметила, как мы оказались у Илоногого подъезда и все никак не могли расстаться. Несмотря на все наши различия, оказалось, что у нас много общего. Нам нравились одни и те же фильмы и книги, у нас были одинаковые взгляды на жизнь, только я часто соглашалась с предлагаемыми условиями, Илона же восставала против них, устраивала тихий бунт и выходила победительницей.

– Может, зайдешь? – предложила Илона.

– Ой, нет, мне пора, – я действительно торопилась, надо было помочь маме, да еще в сад за братом идти...

Время приближалось к трем часам, я побежала домой. Но в тот вечер с удовольствием вспоминала наш с Илоной разговор, и мне даже хотелось поскорее попасть в школу, чтоб снова поболтать с ней.

Естественно, на следующий день мы вышли из школы вместе.

Почему же раньше я не обращала на нее внимания? Да и никто в нашем классе особенно не интересовался ею. У нее была единственная подружка – Лариса. Их воспринимали как неразлучную парочку серых мышек. И действительно: учились обе кое-как, перебиваясь с троек на четверки; особенной красотой не блистали. И, если говорить совсем уж честно, мы все считали их девчонками недалекими, в основном, из-за Ларисы, конечно, с ее вечными глупыми вопросами и не менее глупыми поступками. Илона, та чаще отмалчивалась, держалась особняком, но, так как она все время была с Ларисой, то и ее зачислили в разряд дурнушек-дурочек.

И вот, на тебе: на самом деле Илона оказалась весьма и весьма продвинутой девчонкой. Я спросила у нее: почему она так держится, почему не выйдет из тени. Илона только усмехнулась:

– А мне не за чем приобретать какое-то влияние в классе или завоевывать симпатии. Мне скучно, безумно скучно, – призналась она.

Класс не любил Илону, она отвечала ему тем же.

– А с Лариской тебе весело? – спрашивала я. – Она же глупенькая!

– Она хороший человек, – заступалась Илона, – Лариска не способна на подлость. Очень редкое качество, – и она пристально всматривалась в меня, ожидая ответа.

Я же никогда не сталкивалась с подлостью, а потому считала, что настоящих подлецов мало и мир в основном состоит из хороших людей. Я все время доказывала это Илоне. Она говорила, что мне можно позавидовать. Почему? Да потому что я счастливый человек, раз не встречала плохих людей.

А вообще ее вопросы частенько ставили меня в тупик, и от этого общение с Илоной становилось все более и более притягательным.

Я так увлеклась своей новой неожиданной приятельницей, что даже забыла о Маринке. Сначала меня подмывало позвонить ей и выяснить наши отношения. Но потом я подумала, что если Маринка болеет, то лучше будет, если мы поговорим, когда она выздоровеет и придет в школу.

Всю неделю я провела с Илоной.

Она жила в небольшой двухкомнатной квартире, погруженной всегда в полумрак из-за задернутых штор. Илона говорила, что так уютнее.

– Здесь мой мир, пусть маленький, но мой, – объясняла она, задерживая тяжелую бордовую штору.

Дневной свет мерк, и мы оказывались в теплом сумраке; мы разбрасывали по полу диванные подушки, заваривали чай, включали музыку. Нам никто не мог помешать. Отец Илоны был водителем и пропадал неделями в дальних рейсах. Мама работала по сменам на каком-то заводе. Мы всю пользовались нашей свободой. Слушали музыку, обсуждали

прочитанные книги, рассматривали картинки в модных журналах, мечтали о будущем, да и просто сплетничали об одноклассниках.

А еще Илона умела слушать. А я, честно говоря, отвыкла от того, что меня кто-то слушает. Чаще приходилось слушать самой: родителей, Маринку, учителей...

Так прошла неделя.

Наконец, Маринка появилась в классе. Она прошла мимо меня с гордо поднятой головой, даже не кивнув на мое приветствие. Я удивилась и пожала плечами. Маринка, конечно, девчонка с характером, но такое с ней случилось впервые. Наверное, обиделась на меня за то, что я ей не звонила.

На перемене нас с Илоной и Ларисой окружили несколько одноклассниц. Среди них – главная заводила – Светка Гончарова, сразу же поставила меня в известность:

– Ты в курсе, мы решили объявить Марине бойкот, – заявила она.

Я опешила:

– Кто это – мы? И с какой стати?

– Мы – это весь класс, – сказала Светка, – а с какой стати, ты знаешь не хуже меня. Из-за тебя.

– Из-за меня?! – я чуть не рухнула на пол. – Извини, я не просила... Да ну, ерунда, какая-то!

– Ну, хорошо, не только из-за тебя, – сжалась Светка. – Маринка давно нарывалась. Все эти ее выходки, гордость эта...

– Какие выходки?

Девчонки принужденно рассмеялись:

– Да ладно! – сказала Светка. – Твоя замечательная подружка про тебя сплетни распускает, а ты не в курсе?!

– Объясни толком, потому что я все равно не понимаю, о чем ты, – разозлилась я.

– Ну-ну, – усмехнулась Светка. – Уже весь класс знает, как она Тохе наплела одно, а тебе – другое. Да еще и Дэна сюда прицепила.

Честно говоря, мне стало обидно. Не знаю, откуда Светка узнала все эти подробности и кто из ребят проболтался, но узнать вот так о том, что у тебя за спиной весь класс обсуждает твои личные дела...

Я посмотрела на Илону, но она только плечами пожала и кивнула тихонько: «Потом поговорим».

Тогда я снова повернулась к девчонкам:

– Итак, значит, вы все обиделись на Маринку из-за меня? – уточнила я.

– Можно и так сказать, – согласилась Светка, – короче, мы тебя предупреждаем о бойкоте. С Маринкой уже поговорили...

– Вы что, ей угрожали? – возмутилась я.

– Очень надо! – фыркнула Светка. – Мы же цивилизованные люди! Ребята встретились с ней перед началом занятий и расспросили. Она и не подумала извиняться или оправдываться. Тогда ей объявили бойкот. Так что ты будешь полной дурой, если станешь с ней после всего этого общаться. Не можешь сама за себя постоять, так это сделаем мы!

– Спасибо за заботу, – огрызнулась я.

– Не за что, – Светка тряхнула волосами и удалилась, окруженная своими приятельницами.

Я удивленно смотрела им в след.

– И что ты обо всем этом думаешь? – наконец, спросила я Илону.

Но в этот момент прозвенел звонок, и мы поспешили в класс. Маринка гордая и одинокая сидела за последним столом у стены. На ней было облегающее коричневое платье с

узкими рукавами, платье чуть собралось, максимально открывая великолепные Маринкины ноги. Она смотрела прямо перед собой, щеки ее горели.

Место рядом со мной осталось свободным. Илона всегда сидела с Ларисой.

– Девочки, вы что, поссорились? – удивленно спросила классная.

Мы промолчали.

– Ну, что ж, – вздохнула она, – начнем урок...

Бойкот продержался примерно неделю. И всю неделю я сидела одна на уроках, Маринка по-прежнему уходила на последнюю парту, всем своим видом выражая полное безразличие к классу. Некоторые девчонки бесились. Ребятам вся эта история особого удовольствия не доставляла, Илона только плечами пожимала. А когда я пристала к ней с вопросами, напомнила о Ларисе:

– Я вот, – сказала она, – насчет Лариски всегда совершенно спокойна. Я ей доверяю.

Но ведь я тоже всегда доверяла Маринке!

– Зачем она это сделала? – недоумевала я, – если я чем-то обидела ее, то почему она не сказала мне об этом?

– Тебе лучше у нее самой спросить, – советовала Илона. Но я поняла, что она просто отмалчивается. Естественно, у нее уже сложилось собственное мнение о происходящем, но она предпочитала держать его при себе.

Маринка молчала, я тоже.

Казалось, бойкот ее никак не трогает. Гордо появлялась со звонком и так же гордо покидала класс.

Напряжение потихоньку спадало. В начале бойкота класс чего-то ждал от Маринки: возможно, извинений, или разговора с Тохой, или новых событий. Но ничего не происходило.

Потом кто-то случайно что-то попросил у Маринки, и она отозвалась. С кем-то перебросилась парой слов на перемене, и как-то все само собой рассосалось. На нее все еще дулись, но только те, кто считал себя пострадавшими. Остальным по большому счету было наплевать.

В классе теперь царила Светка Гончарова. Прошел слух, что она ходила с Антоном в кино. Девчонки шептались: «Антон влюбился в Светку и бросил Маринку». Ребята, посмеиваясь, обсуждали Светкину доступность, якобы и в кино Антона Светка пригласила, и там, на последнем ряду, они целовались, а потом Антон даже расстегнул Светкину кофточку...

– Какая гадость, – сказала, поморщившись, Илона.

– Может, ничего и не было, – предположила я, – ведь Антон никак не реагирует на Светку.

– Глупо было бы, – отмахнулась Илона, – зачем она ему?

– Ну, ходили же они в кино... – начала я.

– Знаешь, если я сейчас стану себя предлагать, то никто не откажется, – перебила меня Илона. – Дешевка это все!

Возразить было нечего.

Тем временем история с бойкотом постепенно забывалась.

Хотя со мной Маринка по-прежнему не разговаривала, только чуть заметно кивала, когда проходила мимо. Я отвечала тем же. Маринка как-то вообще исчезала из класса, я видела, как она разговаривает с девчонками из параллельного, видимо завела там приятельниц, обидевшись на своих.

После уроков мы с Илоной быстренько убегали, причем норовили забыть Лариску. Нас ждали совершенно пустая квартира и полная свобода. Мы забрасывали наши рюкзаки, кипятили чай, включали музыку и блаженствовали, забывая о времени. Мы рассказывали друг другу о том, какие мы станем, когда повзрослеем. Илона представляла меня, а я – ее. Это

было так увлекательно! Мы описывали, как будем выглядеть, что станем носить, какие у нас будут друзья, чем мы будем заниматься. И все это с самыми мельчайшими подробностями!

Однажды придумали, как мы встретимся, когда нам будет лет по двадцать. Мы – студентки институтов, причем я – будущая журналистка, а Илона – психолог. Мы приехали на каникулы из разных городов, нет, лучше из разных стран, на зимние каникулы.

– На тебе такая короткая рыжая шубка, – прикрыв глаза, увлеченно описывала Илона, – и джинсы, заправленные в мягкие замшевые сапожки...

– А на тебе черная куртка с большим воротником из чернобурки, – подхватывала я, зная пристрастие Илоны к черному цвету.

– Да, – соглашалась она. – Мы такие красивые, что у парней просто дух захватывает. И мы сразу же знакомимся с двумя суперскими друзьями.

– Послушай, – перебила я, – а разве у нас за границей нет парней?

– Есть, конечно, но они же не с нами, – Илона лукаво подмигнула, и мы засмеялись.

– Ну да, ну да, знакомимся, а потом?

– Потом мы все вместе идем в лес, а там так красиво, все заснеженное, пушистые елки, снег глубокий, и мы играем в снежки... У тебя волосы разметались по рыжему меху шубки...

– Здорово! – восхитилась я.

Илона училась не очень хорошо, школу не любила. Сначала я думала помочь ей с учебкой, объяснить что-то. Но скоро поняла, что Илона во многом разбирается не хуже меня, а зачастую, даже лучше. Родители не мешали единственной дочери делать то, что ей хочется. Отец собрал большую библиотеку, Илона очень много читала. Причем, она читала не только художественную литературу, но и публицистику, и всякие довольно сложные философские сочинения. Она великолепно разбиралась в литературе, истории, философии. При этом была совершеннейшим профаном в точных науках, терпеть не могла математику, с трудом переносила физику, а химия приводила ее в недоумение. На уроках она предпочитала отмалчиваться, хотя могла по гуманитарным предметам получать высокие оценки, но почему-то скрывала свои знания.

– Послушай, – недоумевала я, – разве тебе не обидно?

А она только плечами пожимала. Вот, например, спросит ее о чем-нибудь учительница, она встанет с таким видом, будто ее оторвали от важного дела. Вот так, медленно поднимется, обопрется пальцами о крышку стола и молчит, да еще улыбается чуть насмешливо.

– Любашевская! – возмущались учителя. – О чем ты мечтаешь?!

Илона усмехнется, опустит голову и молчит. Или, если дела совсем уж плохи, и надо получить положительную оценку, она скороговоркой отвечала заданный параграф и выжидательно смотрела на преподавателя.

– Ладно, садись, «четыре»...

Илона шла на место под шепоток усмехающихся одноклассников.

– Ты же могла ответить на «отлично», – говорила я ей после урока.

– Мне пятерку не поставят, – отвечала она безразлично.

– Но почему?

– Разве я похожа на отличницу? Знаешь, учителя меня никогда не любили, с самого первого класса. Не любили, и все. Сначала я удивлялась, а потом решила, не любят и не надо. Я ведь их тоже не люблю.

– Да, но аттестат-то нужно получить, – напоминала я. – И, желательно, с хорошими оценками.

– Как-нибудь, – отмахивалась она.

Но когда я уж слишком доставала ее рассуждениями о высоких оценках, Илона не выдерживала и спрашивала:

– А тебе не обидно? Ты самая красивая девчонка в классе, а строишь из себя дурнушку!

– Я?!

Признаться, красавицей себя я не считала. Так, обычная девчонка, каких много. Вот, Маринка – это да! Она высокая, ноги от ушей. Мы измеряли, 117 сантиметров, как у знаменитых манекенщиц...

Но Илона быстренько разбивала мои доводы:

– Ноги длинные, но это еще не показатель красоты, верно? При этом, щиколотки слишком толстые, руки грубые, кожа бледная, под глазами мешки, ресницы и брови белесые, нижняя губа выпячена, да еще веснушки! Нет уж, какая она красавица? Да и кто тебе сказал?

– Ну...

– В том-то и дело, – усмехалась Илона. – Она сама так сказала, а ты поверила.

– В классе так считают, – не сдавалась я.

– Кто? Тоха? Так он влюблен, ему положено.

После таких разговоров я приходила домой и недоверчиво рассматривала себя в зеркало, словно заново узнавала.

Вот я: лицо как лицо, конечно, оно не бледное как у Маринки, кожа у меня золотистая, безо всяких там веснушек. Глаза? Какие у меня глаза? Серые? Нет, серые у Маринки, как две ледышки. А у меня ярко-зеленые и ресницы длинные, густые, не то что у Маринки – коротенькие, белесые... И брови тоже: у меня темные, красивой формы, дугой. У нее же еле видные черточки над набрякшими верхними веками. И губы у меня красивые...

В другой раз, возвращались из школы, болтали, и вдруг Илона спросила:

– Ты зачем волосы прячешь?

– Не прячу, просто закалываю, чтоб не мешали, – оправдывалась я.

– Вот-вот, залижешь назад, зачешешь, да еще и заколкой прихватишь. Ты что? Старушка?

Волосы у меня длинные, ниже лопаток и густые.

После Илонкиных рассуждений, я пошла в парикмахерскую и сменила прическу.

В школе все ахнули.

Учительница по географии даже съязвила:

– Что-то Дина у нас заневестилась, как бы замуж не выскочила.

Я смутилась и забрала волосы в хвост, чтоб не так бросались в глаза.

А Илонка только посмеивалась.

Еще она много рассказывала мне о своих деревенских друзьях. Каждое лето Илона уезжала к бабушке, и там была по-настоящему счастлива, там она была другой Илоной. Я никак не могла понять, почему.

Однажды Илона упомянула о какой-то девушке, которая появлялась в деревенском клубе. Она приезжала верхом на гнедом жеребце, никогда не привязывала его, потому что никто, кроме хозяйки не мог подойти к норовистому коню.

Она входила в душный зальчик, поигрывая стеклом, и все замирали, глядя на нее. Но она никогда никому не отдавала предпочтения. Словно ждала...

– Она была красивая? – спросила я, выслушав Илону.

– Она была необыкновенная, не такая как все, понимаешь?

Кажется, теперь я понимала ее...

Глава 3

Выбор королевы

Зима промелькнула незаметно. Перед Новым годом в школе разразилась эпидемия гриппа, поэтому общий вечер отменили, а потом я вообще уехала на каникулы к бабушке.

Весна наступила в одночасье: буйная и ранняя. В середине марта стояла почти майская теплынь, снег сошел. Пахло летом.

Как-то перед выходными Илона повела меня к своей соседке Рите. Рита училась в параллельном классе и, оказывается, давно пригласовала с Илоной. Каково же было мое удивление, когда у Риты мы столкнулись с Маринкой.

Тут уж, хочешь – не хочешь, пришлось общаться. Мы обе успешно сделали вид, что никакого бойкота не было, да и ссоры тоже, болтали, как всегда, непринужденно, словно не существовало этих месяцев, когда мы едва кивали друг другу. Илона снова загадочно улыбалась и молчала. Маринка вела себя со мной очень корректно. Даже комплимент отвесила по поводу того, что я стала хорошо выглядеть. Я приятно удивилась и подумала, что наша размолвка повлияла на нее положительно, что теперь-то Маринка кое-что осознала, и мы сможем общаться, как и раньше, только теперь наше общение будет на равных.

Я поняла, что сильно соскучилась по своей подруге. И как-то так получилось, прощаясь, мы расцеловались и договорились созвониться, потому что в выходные наши родители собирались ехать на дачи, а дачи у нас рядом, так что...

Илона ничего мне не сказала. Да и я ей тоже.

У Маринкиных родителей дача была давным-давно; вообще-то она принадлежала деду с бабушкой, родителям Маринкиной мамы, а не пресловутым потомкам бояр Шуйских... Маринкин отец немного ее перестроил. Особенно мне нравились террасы, выложенные камнем, они располагались друг над другом и на каждой росли цветы. Сама дачка была небольшая и очень светлая, с круговой верандой и большими окнами. На маленьком огороде родители сажали все, что только можно: и помидоры, и картошку, и ягоды... «Чтоб ничего не покупать, чтоб зря не тратить деньги», объясняла Маринка. Она гордилась этим. Я, конечно, знала, что семья у них не богатая, и все-таки часто удивлялась этой их экономии, доходящей до абсурда. Чайные пакетики не выбрасывались, а заваривались многократно, мясо они, по моему, вообще не ели, «сейчас нет натурального мяса» и «все вокруг заражено...» – брезгливо морщась, сообщала Маринка, когда я приходила в гости. Мы садились за стол на кухне, пили чай из многократно выполосканных пакетиков и ели жареную мойву.

Правда, у меня дома Маринка частенько спрашивала, «нет ли чего-нибудь поесть», и с жадностью набрасывалась на мамины блюда: плов, бефстроганов, борщ, отбивные или бифштексы.

Мама вздыхала:

- Бледненькая какая Марина, и далась им эта машина!
- При чем здесь машина? – удивилась я.
- Отец машину хочет, вот они и копят, – объяснила мама, – а дети голодные бегают.
- Ладно тебе, повторяешь чужие сплетни! – возмутилась я.
- Да при чем здесь сплетни, – обиделась мама. – Сама не видишь, что ли?

Честно говоря, ничего я не видела. Маринка всегда фыркала и возмущалась, когда при ней говорили о покупке новой машины, или мебели, или техники. Она называла все это мешанством, и сообщала с самым независимым видом, что их старый телевизор в тысячу раз лучше всех этих новомодных экранов, что компьютер ей не нужен, что отец прекрасно обходится и без машины, а если она нужна, так можно заказать такси...

Такси они не заказывали. На дачу ее родители добирались на автобусе. Правда, сама Маринка не отказывалась доехать с нами. Иногда она приводила с собой младшего брата и держала его всю дорогу на коленях. Это значило, что родители тоже с кем-то поехали, но там не хватило на всех места.

И все-таки, я всегда радовалась, если Маринка ехала с нами. Раньше я не задумывалась. Спрашивала:

– Ты будешь в выходные на даче?

– Нет, – отвечала она, – надо к бабушке сходить.

А мне и в голову не приходило: почему, например, бабушка не ездит на свою же дачу... Потом я стала догадываться и словно бы невзначай предлагала:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.